

ИЗ ИСТОРИИ КРАСНОГО ТЕРРОРА В БЕЛАРУСИ (ОКТАБРЬ 1917 – 1920-е гг.)

The article unveils the causes, specifics and influence of red terror in October 1917–1920 in Belarus. Author analyses the activities of extraordinary commissions on prevention of counter-revolution and sabotage.

Введение. Октябрьская революция, гражданская война и иностранная интервенция в России по-прежнему вызывают интерес историков, политологов и публицистов. Существует широкий разброс мнений, зачастую полярных, в оценке событий тех лет – от «стихийного буйства толпы» до «заговора «кровожадных» большевиков, развязавших братоубийственную войну». На фоне подобных эксцентричных суждений весьма доказательной и аргументированной выглядит точка зрения, согласно которой Октябрьская революция воплощала в себе попытку трудового народа выбраться из цепи политических и социально-экономических противоречий, обусловленных тогдашним уровнем рыночных отношений. Она представляла своеобразную альтернативу тем либеральным ценностям, на которые ориентировалась предпринимательно-помещичья элита и ее обслуга в России.

Естественно, сердцевину нового советского строя, начавшегося только формироваться, составляла партия большевиков, вначале не отказывавшаяся от сотрудничества с другими партиями социалистического выбора, например, левыми эсерами. Но силы, мечтавшие взять реванш, направили свои главные удары именно против партии, взявшей на себя всю полноту власти. Характер этих антибольшевистских действий стал приобретать явно террористическую окраску, ставившую цель парализовать созидательные шаги новой власти. В таких условиях любая правящая сила должна была позаботиться о своей защите. Другое дело, что ответные действия новых властей, часто квалифицируемые «красным террором», не всегда были адекватными имевшим угрозам и способствовали расширению и углублению масштабов гражданской войны.

Красный террор в Беларуси (октябрь 1917 – 1920-е гг.). Кровавые события в Москве в начале ноября 1917 г., конфликт в Украине между рабочими и Центральной Украинской радой, вооруженные столкновения в других регионах страны продиктовали новой власти необходимость защиты завоеваний революции. Поначалу эти функции выполняли Военно-революционные комитеты (ВРК), созданные в отдельных городах России еще до Октябрьского вооруженного восстания. После его победы основной задачей ВРК становятся обеспечение

процесса реорганизации государственного аппарата, охрана общественного порядка, борьба с контрреволюцией и охрана государственных учреждений. С 26 октября (8 ноября) 1917 г. начал формироваться ВРК Западного фронта, его ядро составили Президиум Минского Совета рабочих и солдатских депутатов и Бюро областного исполнительного комитета Советов Западной области [1].

Однако вскоре перед новой властью встал вопрос о целесообразности дальнейшего функционирования ВРК. Ф. Держинскому, члену Петроградского ВРК, на заседании ВЦИК 1 (14) декабря 1917 г. было поручено подготовить конкретные предложения об организации специального органа по борьбе с контрреволюцией. Его доклад в Совете Народных Комиссаров лег в основу Постановления СНК от 7 (20) декабря 1917 г. об образовании Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Председателем ВЧК был назначен Ф. Держинский. Главными задачами ВЧК первоначально являлась борьба с контрреволюцией и саботажем. Затем на нее были возложены борьба со спекуляцией, должностными преступлениями, шпионажем, подавление контрреволюционных и бандитских преступлений, обеспечение безопасности транспорта, охрана государственной границы [2].

Органы защиты революции создавались и в Беларуси. Еще в начале декабря 1917 г. при СНК Западной области и фронта была создана комиссия по борьбе со спекуляцией [3]. Причем интересно, что Петроград потребовал от областного исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области и фронта (Облисполкомзапа) изменить характер деятельности и название комиссии. Однако большинство членов Облисполкомзапа высказалось против приказа Центра, подчеркнув при этом, что Петроград не имеет права вмешиваться «в дела Западной области, в которых он слабо разбирается» [4].

22 января 1918 г. Минский Совет по предложению председателя К. Ландера принял решение о создании отдела по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Его руководителем был назначен Л. Резаузский. В ходе начавшегося 18 февраля 1918 г. германского наступления была оккупирована значительная часть территории Беларуси. Отдел в составе Минского

Совета эвакуировался в Смоленск, где был расформирован. Однако процесс формирования органов государственной безопасности не прервался. Областным съездом Советов Западной области, проходившим в Смоленске 25 февраля 1918 г., создается Западная областная ЧК по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Ее председателем становится В. Яркин, который также избирается членом Областного исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области. В апреле – мае 1918 г. ЧК были созданы во многих городах неоккупированной территории Беларуси [5].

«Прелюдией» красного террора можно считать разгон большевиками Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. по решению Совета Народных Комиссаров Западной области. Эта насильственная акция фактически положила начало гражданской войны в Беларуси. Между тем подобная превентивная мера была направлена на то, чтобы в Беларуси избежать кровавых событий, произошедших в Украине и на Дону. Разгон Всебелорусского съезда представлял собой все же неадекватную реакцию на нежелание белорусских деятелей признавать власть Областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта. Тщательный анализ документов той поры показывает: имелась возможность для переговоров и соглашений противостоявших сторон, тем более, что проекты резолюций съезда не противоречили, по сути, декретам советской власти. В ответ на насильственные действия большевиков члены Исполкома съезда даже пытались готовить вооруженное восстание, однако антибольшевистское выступление не состоялось [6]. Аналогичную попытку в Беларуси предприняли и правые эсеры, разработав с этой целью «секретный план борьбы» [7]. Но и она не удалась. Видимо, не нашлось в то время много желающих поддержать правозэсеровскую авантюру.

Тем не менее гражданская война разгоралась. Причем ее виновниками в равной степени были силы, стоящие по разные стороны баррикад. Кроме того, часть населения, наиболее энергичная, «вольнлюбивая», боролась против власти вообще. Зачастую те же самые люди, которые стремились свергнуть власть красных, не менее яростно выступали и против власти белых, если тем удавалось взять верх [8].

Естественно, в этих условиях чекисты стояли на страже советской власти, защите завоеваний революции. При этом органы ЧК действовали совместно с большевистскими организациями. Оршанская большевистская организация 8 марта 1918 г. приняла постановление о создании боевой дружины из коммунистов и поручила своему комитету срочно вооружить

дружинников и организовать военные занятия. А к октябрю 1918 г. в распоряжении Оршанского уездно-городского партийного комитета был уже хорошо обученный военному делу и закаленный в боях с контрреволюцией отряд численностью 120 человек. Такие отряды были созданы в 1918 г. в Витебске, Горках, Чаусах, Калинковичах и других городах и местечках неоккупированных районов Беларуси [9]. Так создавались части особого назначения. Весной и летом 1918 г., например, отрядами Витебской губернской и уездных ЧК, частями особого назначения были пресечены многие антибольшевистские выступления. В ряде городов, в том числе в Витебске, разоружены крупные анархистские и эсеровские антисоветские организации, разоблачено множество спекулянтов и фальшивомонетчиков. В августе 1918 г. были подавлены левозэсеровские выступления в Орше и Сенно, а также Велижское восстание, руководимое белогвардейскими офицерами [10]. Подобные контрреволюционные акции получали адекватный отпор. О степени жестокости конфликта и масштабах применения методов террора со стороны антибольшевистских сил свидетельствуют такие данные: только в июне 1918 г. контрреволюционеры расстреляли в 22 губерниях РСФСР 824 человека, в июле – 4141, в августе – 339, в сентябре – свыше 6 тысяч [11].

На пресечение контрреволюционных выступлений была направлена и деятельность революционных трибуналов, созданных советской властью в декабре 1917 г. Однако они не стали инструментом красного террора. Судьи работали «без инициативы» и выносили мягкие приговоры. Так, в апреле 1918 г. трибуналы запретили только несколько оппозиционных газет и осудили небольшое количество «буржуев». Неохотно выносили и смертные приговоры. На протяжении всего 1918 г., даже когда был официально объявлен красный террор, революционные трибуналы осудили 4,5 тыс. человек. Третья часть из них была направлена на принудительные работы, другая треть – получила штрафы и только 14 человек были приговорены к смертной казни [12].

Покушения на Володарского, Урицкого, Ленина создали своеобразную психологическую обстановку «кровной мести». 5 сентября 1918 г. было принято Постановление СНК РСФСР «О красном терроре». В нем, в частности, говорилось, что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», что «необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [13]. Самой крупной акцией был расстрел в Петрограде 512 представителей «высшей буржуазной элиты». Списки расстрелянных выве-

шивались (по официальным данным, всего в Петрограде в ходе красного террора было расстреляно около 800 человек) [14]. Правомерность подобной акции по отношению ко всем обвиняемым была довольно сомнительной. Что касается Беларуси, то тут из наиболее значимых операций, проведенных чекистами в этот период, следует отметить ликвидацию контрреволюционной организации, возглавлявшейся генералом М. Дорманом. Ее штаб находился в Смоленске. Раскрытая организация занималась вербовкой в Смоленской и Витебской губерниях белогвардейцев, направляя их в Украину в так называемую Южную армию [15].

Несмотря на то, что Постановлением VI Всероссийского съезда Советов 6 ноября красный террор официально был прекращен, его рецидивы и проявления еще долго ощущались в Советской России, других советских республиках. Красный террор, скорее, подтолкнул к расширению гражданской войны, чем отвратил от нее. Парализовать сопротивление врагов советской власти с помощью страха не удалось. Если же считать террор акцией уже начавшейся гражданской войны, то он привел к резкому размежеванию и «очистил тыл» — вызвал массовый отъезд активных противников советской власти в места формирования Белой армии, на территории, занятые оккупантами, и за границу.

Между тем поводов для недовольства политикой большевиков было немало. Определенную часть населения и даже рядовых красноармейцев не без оснований возмущали самоуправство и грубость некоторых представителей советской власти, их пренебрежение к нуждам простого народа, своеобразное «коммунистическое чванство» в сочетании со жгучим стремлением поживиться за счет «революционных экспроприаций».

Антибольшевистские настроения отчетливо проявились в так называемом «стрекопытовском восстании» в Гомеле, предпринятом 67 и 68 полками Тульской бригады 24–29 марта 1919 г. Причинами выступлений этих воинских соединений стали антисоветские настроения солдат, вызванные плохими условиями их обеспечения, неподготовленностью к военным действиям, а также контакты с местным населением, недовольным продовольственной диктатурой и мобилизациями в Красную Армию.

Позднее представитель ЦК РКП (б) Е. Бош в специальном докладе руководству партии (апрель 1919 г.) признавала, что за короткое время между рабочими, красноармейскими массами и органами советской власти образовалась пропасть. Спекуляция товарами, отсутствие продовольствия давали о себе знать, отмечала Е. Бош. К тому же представитель ЦК вынуждена была отметить преобладание лиц еврейского происхождения как среди комисса-

ров, так и среди спекулянтов, что дало повод для антисемитской агитации, натравливания русского, белорусского населения на евреев. Понятия «комиссар» и «спекулянт» отождествлялись, становились синонимами. А все имевшиеся и возникавшие проблемы проецировались на советскую власть [16].

Все началось с того, что оба полка покинули боевые позиции и через Калинковичи и Речицу направились в Гомель, где потребовали отправки в Брянск. Гомельский комитет РКП (б) и отряд частей особого назначения попытались не пропустить повстанцев. Однако вскоре Гомель оказался в руках восставших. Руководство мятежом взял на себя «Полесский повстанческий комитет» во главе с Н. Стрекопытовым. В принятых «Комитетом» воззваниях провозглашалось свержение правительства Ленина-Троцкого и создание «Русской Народной Республики». Программа повстанцев требовала передачи всей власти Учредительному собранию, земли и гражданских свобод — народу, сочетания частной и государственной инициативы в сфере производства и торговли [17].

Стихийная эвакуация повстанцев сопровождалась грабежами, пожарами, еврейскими погромами, расстрелами членов РКП (б). 28 марта в город прибыли вызванные красноармейские части, сохранявшие верность советской власти, и мятеж был подавлен. Во время мятежа в Гомеле погибло около 100 человек [18]. Повстанцы, отступавшие с боями через Речицу и Василевичи, перешли линию фронта в районе м. Хойники и сдались отрядам С. Петлюры. Затем они были переданы польской стороне, разоружены и интернированы. Позже по частям силы Стрекопытова влились в армию Юденича в Эстонии, Савинкова и Булак-Балаховича в Польше.

Система красного террора предполагала решительное пресечение вражеской агентуры иностранных интервентов. В борьбе с польскими агентами чекисты применили комплексный подход, сочетавший военно-специальные операции, агентурно-оперативные и розыскные мероприятия. Помимо войск ВЧК, осуществлявших оборону стратегически важных объектов, прочесывание местности, облавы и засады, по указанию Ф. Дзержинского были созданы оперативно-чекистские группы во главе с особоуполномоченными ВЧК А. Артузовым, Р. Пилляром, Я. Аграновым и др. Широко использовался опыт царской контрразведки. Так, благодаря умелому сочетанию наружного и внутреннего наблюдения Особому отделу 29-й дивизии удалось в мае 1920 г. раскрыть группу из числа жителей местечка Бобр Сенненского уезда, обеспечивших полякам переход демаркационной линии.

Весной и летом 1920 г. особые отделы Западного фронта совместно с Витебской

и Гомельской губчека нанесли ряд ощутимых ударов по польской разведке. В Витебске в мае 1920 г. чекисты внедрили своего агента в организацию, созданную секретной службой Польши. С его помощью было установлено, что участники организации занимаются шпионажем, подготовкой диверсионных актов, распространением контрреволюционных слухов. Вскоре 27 шпионов, диверсантов и террористов были арестованы и преданы суду военно-революционного трибунала. Почти одновременно в Гомельской губернии была обезврежена польская агентурная сеть в количестве 50 человек. Всего за время войны только в советском тылу Беларуси особые отделы выявили около 1400 польских шпионов и диверсантов [19].

После окончания гражданской войны и иностранной интервенции необходимость в ВЧК как в специальном органе, имевшем чрезвычайные права и полномочия, поначалу отпала. В ноябре 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) внесло предложение лишить ВЧК внесудебных полномочий и передать часть ее функций Народному комиссариату юстиции. В декабре 1921 г. было принято постановление Политбюро ЦК РКП (б) о реорганизации чекистского аппарата. Постановлением ВЦИК РСФСР от 6 февраля 1922 г. на базе ВЧК было создано Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. Оно осуществляло руководство всеми органами госбезопасности на территории России. По решению председателя ЦИК БССР 1 марта 1922 г. было образовано ГПУ при ЦИК БССР. 2 ноября 1923 г. Президиум ЦИК БССР образовал при СНК БССР Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), а 15 ноября 1923 г. ЦИК СССР утвердил Положение об ОГПУ. На основании этого Положения ГПУ республик переподчинялись от республиканских НКВД непосредственно ОГПУ при СНК СССР [20].

Органы ЧК–ГПУ БССР являлись эффективным инструментом политического режима, который сложился как в республике, так и в целом в СССР. В начале 1920-х гг. чекистский аппарат внес весомый вклад в стабилизацию внутривнутриполитической ситуации в БССР. Благодаря работе чекистов удалось ликвидировать вооруженное антисоветское подполье на территории Белорусской ССР и обеспечить надежную охрану государственной границы с Польшей.

Дело в том, что в Польше нашли убежище различные контрреволюционные организации, не оставлявшие надежду ликвидировать советскую власть. По данным ОГПУ, в середине 1920-х гг. в Польше находилось примерно 25–30 тыс. белоэмигрантов. Кроме того, отдельные лица и организации не отказались от прямой подрывной деятельности на территории Беларуси и России. К ним в первую очередь отно-

сился Б. Савинков, который в 1921 г. на территории Польши образовал «Народный союз защиты Родины и свободы» (НСЗРС) и стремился вовлечь в орбиту своей деятельности разрозненные партизанские формирования, действовавшие на территории Советской Беларуси.

На территории Беларуси был создан Западный областной комитет НСЗРС, штаб которого располагался в г. Гомеле. Руководил им А. Оппернунт-Упелинц, уроженец Латвии, до недавнего времени занимавший штабные должности в красноармейских частях Западного фронта. В основе программы деятельности Западного областного комитета НСЗРС были положены известные цели: свержение власти коммунистической партии, создание беспартийных советов, которые должны «привести Россию к Учредительному собранию», восстановление свободной торговли и др. Кроме того, в программе НСЗРС говорилось: «Мы признаем право на самоопределение за всеми народами... Мы твердо верим, что после свержения советской власти и установления народовластия все эти народы объединятся вокруг новой России в тесный союз, не стесняющий их интересы, но необходимый для их хозяйственного процветания» [21].

Савинковский НСЗРС стремился создать сеть своих филиалов по всей Беларуси. По линии НСЗРС на территории Польши шла подготовка с целью заброски в Советскую Россию различных контрреволюционных групп, формировавшихся из числа эмигрантов, интернированных солдат, офицеров и пленных красноармейцев. Для их подготовки были организованы специальные курсы при лагерях военнопленных, на которых преподавались «основы организационной работы, конспирации», а также велась агитационно-мобилизационная рекрутизация. При этом польские власти оказывали содействие деятельности Савинкова при передвижении его сподвижников по польской территории, причем в этих случаях его агенты приравнивались к чинам польской армии. Для проезда через границу в Советскую Россию документы выдавались Вторым отделом польского генштаба. Прохождение границы совершалось при содействии польских пограничников.

Умелыми действиями чекистов деятельность Западного областного комитета НСЗРС была пресечена. Всего по делу этой организации в 1921 г. было привлечено к уголовной ответственности 436 человек, из которых 230 человек осуждены ВЧК и ЧК Беларуси к различным мерам наказания. Любопытно, что А. Оппернунт-Упелинц написал письмо в ЧК с просьбой предоставить ему свободу и готовность работать в пользу чекистов. Решением президиума ВЧК-ГПУ от 28 февраля 1922 г. А. Оппернунт-Упелинц был освобожден [22].

Еще задолго до создания НСЗРС оформился союз Б. Савинкова и С. Булак-Балаховича, разочаровавшегося в советской власти и перешедшего на сторону Рады БНР. Но, видимо, споры и словоблудие деятелей БНР Балаховичу подоели, и он довольно быстро принял польскую ориентацию, одновременно сблизившись с Савинковым. Печальную известность получил совместный поход двух деятелей против Советской Беларуси осенью 1920 г., их злодеяния против мирных жителей. Решительными действиями красноармейских частей савинковцы и балаховцы вынуждены были убраться на территорию Польши.

Злодеяния балаховцев и савинковцев вызвали возмущения и протесты среди деятелей, вначале симпатизировавших генералу и бывшему эсеру. Например, Рада, сформированная в ноябре 1920 г. на съезде представителей волостей и местечек Случчины и ориентировавшаяся на БНР с идеей «незалежнасці Беларусі», приняла 30 января 1921 г. резолюцию, в которой Булак-Балахович был назван «авантюристом и предателем, компрометирующим государственное дело» [23]. Не остался в долгу и сам Булак-Балахович. В начале 1921 г. «батька», так его величали, издал «декрет», в котором все повстанческие группы, находившиеся на территории Беларуси, а также регулярные войска объявлялись под его командованием. «Из всех правительств, которые именуют себя Белорусскими правительствами, – говорилось в «декрете», – будет признано то, которое опирается на белорусское крестьянство, вместе с народом делит его тяжелую долю» [24].

В начале 1921 г. число савинковских и балаховских отрядов даже увеличилось. Это объяснялось тем, что у многих рабочих и крестьян росло недовольство произволом некоторых новоявленных чиновников от советской власти. Все это давало возможность савинковцам и балаховцам поначалу безнаказанно грабить и убивать население. Против них вновь были брошены красноармейские части. Уже к осени 1921 г. значительная часть савинковских и балаховских отрядов была разгромлена.

Погромы и зверства отрядов Савинкова и Булак-Балаховича вызвали возмущение и протесты даже среди тех белорусских деятелей, которые были настроены явно антибольшевистски и в силу ряда причин оказались в эмиграции. Значительная их часть была вынуждена дистанцироваться от бывшего эсера и «главнокомандующего белорусских войсковых сил». Состоявшаяся в сентябре 1921 г. в Праге конференция (совещание) белорусских национальных партий приняла специальную резолюцию, в которой С. Булак-Балахович был назван «узурпатором и авантюристом», не имеющим никакой поддержки со стороны белорусских

политических организаций. Осуждена была и деятельность Савинкова как «провокатора белорусской государственности и врага белорусского народа» [25].

Однако на этом бандитские выступления на территории Беларуси не прекратились. Из всех банд, орудовавших на территории Беларуси, долгое время оставалась неуловимой банда Е. Монича. В течение трех лет эта банда, дислоцировавшаяся в Западной Беларуси, регулярно осуществляла набеги на советскую территорию, совершала террористические акты: убийства коммунистов, советских работников, грабила население. В октябре 1923 г. Монич напал на скорый поезд между станциями Крупки и Бобр, ограбил всех пассажиров, в т. ч. дипломатов из английского и итальянского представительства. Кроме этого, банда совершила налеты на ст. Приямино, Холопенический волисполком, местный лесопильный завод. Особая группа ОГПУ по борьбе с бандитизмом разгромила отдельные группы Монича, но самому главарю опять удалось уйти в Польшу. Весной 1924 г. он вновь появился в Борисовском округе. На этот раз террориста ждало возмездие. 23 мая 1924 г. Монич был застигнут в лесу и убит сотрудниками ОГПУ [26].

Подобные экстремистские выступления радикальной оппозиции в Беларуси давали повод советской власти расправляться с любыми формами недовольства, проявлявшимися в то время. Так, в феврале 1921 г. ЧК арестовала 860 активных членов Белорусской партии социалистов-революционеров, в т. ч. членов ЦК и Минского губкома [27]. Среди арестованных были П. Бодунова, И. Мамонько, неоднократно искавшие с коммунистами возможности для сотрудничества, но имевшие другую точку зрения на содержание политики властей. Позже они были выпущены на свободу, но вынуждены были уехать за границу.

Чекистский аппарат Белорусской ССР активно участвовал в подавлении и ликвидации той части политической оппозиции, которая была не согласна с формами и методами строительства нового общества, пресечения крестьянских выступлений. Обострявшаяся внутрипартийная борьба за власть способствовала усилению подозрительности, страха и недоверия, которые становились непременным атрибутом общественно-политической жизни. Не отвечало развитию доверия и секретное постановление Президиума ЦИК СССР от 4 апреля 1927 г., дававшее право ОГПУ рассматривать во внесудебном порядке, вплоть до применения высшей меры наказания, дела о диверсиях, поджогах, вредительстве механизмов. Таким образом, создание органов внесудебной расправы и предоставление им чрезвычайных прав в условиях мирного времени не может быть

оправданным. Это была политика принуждения как универсальная мера устрашения населения, быстрого решения сложнейших проблем, военно-административных методов руководства.

Заключение. Создание органов защиты революции в Беларуси было вынужденной мерой, направленной на пресечение сил, мечтавших взять реванш за поражение в октябре 1917 г. Советской власти удалось подавить многие контрреволюционные выступления, защитить завоевания революции. Тем не менее радикальная активность антисоветских сил неоправданно отождествлялась большевиками со всей оппозицией, не согласной с методами строительства нового общества, что в итоге приводило к необоснованным репрессиям, серьезным деформациям общественно-политической жизни в стране.

Литература

1. Кулеш, А. Р. Руководители органов государственной безопасности Беларуси. Краткий биографический справочник / А. Р. Кулеш, Л. В. Пименов, И. А. Валаханович; под ред. Л. В. Календло, А. С. Сидоревич. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 1997. – С. 4.

2. Красная книга ВЧК. – Т. 1. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1989. – С. 4.

3. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. – Т. 2. – Минск: Госиздат БССР, 1957. – С. 403.

4. Сольский, В. И. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. И. Сольский. – Минск: Тесей, 2004. – С. 200.

5. Кулеш, А. Р. Указ. соч. – С. 5.

6. Платонов, Р. П. К вопросу о становлении белорусской национальной государственности / Р. П. Платонов, Н. С. Сташкевич; под ред. Э. М. Энтина // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Ч. II. У истоков политического противостояния. – Гомель: Белорусское Агентство научно-технической и деловой информации, 1993. – С. 97.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 46. Л. 239–240.

8. Кожин, В. В. Россия. Век XX-й (1901–1939) / В. В. Кожин. – М.: Алгоритм, 1999. – С. 272.

9. Мурашко, П. Е. Особого назначения... Из истории ЧОН Белоруссии. 1918–1924 / П. Е. Мурашко. – Минск: БГУ им. В.И. Ленина, 1979. – С. 9.

10. На службе Родине: страницы истории / В. И. Дементей [и др.]. – Витебск: УПП «Витебская областная типография», 2004. – С. 10.

11. Красная книга ВЧК. – С. 6.

12. Вішнеўскі, А. Ф. Палітыка-прававы рэжым савецкай дзяржавы (1917–1953 гг.) / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск: Тэсэй, 2003. – С. 103.

13. Терроризм: борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие для студентов юрид. вузов / С. Я. Казанцев [и др.]; под ред. В. Я. Кикотя, Н. Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. 2004. – С. 125.

14. Кара-Мурза, С. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2003. – С. 48.

15. Голиков, Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.) / Д. Л. Голиков. – М.: Политиздат, 1975. – С. 181.

16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 17. Л. 17–19, 49.

17. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 60. Оп. 3. Д. 814. Л. 7, 15–16.

18. НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 666. Л. 11–12.

19. Щит и меч Отечества / под ред. В. И. Дементя. – Минск: Межд. Центр интеграц. информ. Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – С. 83.

20. Щит и меч Отечества. – С. 77–79.

21. Архив КГБ Республики Беларусь (АКГБ РБ). Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. Л. 121–124.

22. АКГБ РБ. Ф. 29. Оп. 1 Д. 8. Л. 125.

23. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. – Т.1. Кн. 2. – Вільня-НьюЁрк-Менск-Прага: Беларускі інстытут навукі й мастацтва, Таварыства Беларускага Письменства, 1998. – С. 1026.

24. Там же. – С. 1016.

25. Там же. – С. 1221–1222.

26. АКГБ РБ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 15–16.

27. Белорусская партия социалистов-революционеров // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. – Ч. II. У истоков политического противостояния. – С. 25.